

Предчувствие

Новое
Литературное
Обозрение

Анатолий
Рясов

Предчувствие

Новое
Литературное
Обозрение

Москва
2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Р99

Редактор серии

Д. Ларионов

Рясов, А.

Р99 Предчувствие: Роман / Анатолий Рясов. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 304 с.

ISBN 978-5-4448-1774-2

В мире, где даже прошлое, не говоря уже о настоящем, постоянно ускользает и рассыпается, ретроспективное зрение больше не кажется единственным способом рассказать историю. Роман Анатолия Рясова написан в будущем времени и будто создается на глазах у читателя, делая его соучастником авторского замысла. Герой книги, провинциальный литератор Петя, отправляется на поезде в Москву, а уготованный ему путь проходит сквозь всю русскую литературу от Карамзина и Радищева до Набокова и Ерофеева. Реальность, которая утопает в метафорах и конструируется на ходу, ненадежный рассказчик и особые отношения автора и героя лишают роман всякой предопределенности. Все, что остается, — предчувствие. Анатолий Рясов — писатель, поэт, исследователь, музыкант. Автор книг «Три ада. Роман-антипутеводитель» (2003), «Пустырь» (2012), «Сырое слово» (2015), «В молчании» (2020), «Беккет: путь вычитания» (2021), а также книги «Едва слышный гул. Введение в философию звука» (2021), вышедшей в «НЛО» в серии «История звука».

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки использован автопортрет Эдуарда Исаака Ассера. 1858 г. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

© А. Рясов, 2022

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Содержание,

кратко, но довольно-таки точно фиксирующее события, которые скоро начнут происходить

Пролог, что попытается выступить в роли камертона 9

Часть первая. ОТЪЕЗД

Эпизод первый, сделаем его похожим на завязку, хотя и не станем сообщать почти ничего ни о главных, ни о второстепенных героях дальнейшего повествования 13

Эпизод второй, к радости пытливого читателя мы поведаем кое-что о главном герое романа, но большую часть страниц посвятим некоторым приметам провинциальной жизни 20

Эпизод третий, сейчас мы едва не обрушим на героя непоправимую катастрофу 37

Эпизод четвертый, назовем его «Путь» 57

Эпизод пятый, назовем его «Тот же самый путь» 79

Эпизод шестой, мы наполним его всевозможными странностями 93

Часть вторая. СТОЛИЦА

Эпизод седьмой, который расскажет о некоторых особенностях жизни мегаполиса 107

Эпизод восьмой , в котором мы познакомимся с Гретой	122
Эпизод девятый , кульминацией которого станет нешуточная потасовка	136
Эпизод десятый , который поведаст нам о другой аванюре	161
Эпизод одиннадцатый , в котором мы попробуем познакомиться с Никоном	167
Эпизод двенадцатый , а вернее — еще одна интермедия, которая предоставит любезному читателю возможность немного перевести дух	178
Эпизод тринадцатый , в котором мы попробуем познакомиться с Альмой	189
Эпизод четырнадцатый , который предоставит все шансы захлебнуться в океане литературной жизни	198

Часть третья. ПОЧТИ ТА ЖЕ СТОЛИЦА

Эпизод пятнадцатый , он будет исследовать связи между крупной прозой и блужданием по городским улицам	213
Эпизод шестнадцатый , по большей части он будет представлять собой цитату из мало кому известного поэтического текста	227
Эпизод семнадцатый , он будет повествовать об угасании Альмы	229
Эпизод восемнадцатый , уместность которого в третьей части, должно быть, вызовет вопросы у критически настроенного читателя	237
Эпизод девятнадцатый , он будет повествовать об исчезновении Альмы и повторном знакомстве с Або	242
Эпизод двадцатый , он расскажет о крушении	254

Часть четвертая. КОМНАТА

Эпизод двадцать первый , попытка познакомить читателя с новой обстановкой	271
--	-----

<i>Эпизод двадцать второй, продолжение череды предуведомлений</i>	277
<i>Эпизод двадцать третий, еще одна попытка начать повествование</i>	292
<i>Эпилог, или, скорее, заключительный эпиграф</i>	299

Пролог,

что попытается выступить в роли камертона

Чем бы завершить?

Нет, так не пойдет. За раскаленную печную дверцу ведь тоже не станешь братья голыми пальцами. Потому-то вечно поблизости все эти прихватки, полотенца, платки, кочерги, пусть даже отмычки, чего уж там. В конце концов они, конечно, начнут раздражать, и все равно схватишься рукой. Назло себе. Но тогда уж и вопрос забудешь. Особенно если дверца окажется холодной. А пока что не так. И придется спрашивать, хотя причина понуки весьма смутна. Как вкрадчивый, но, увы, неразборчивый шепот сквозь дымную штору. Бесконечно тусклый, восхитительный. Никому не принадлежащий. Но чтобы уж совсем не запутаться, можно выбрать другую формулировку, попроще. Сделаем вид, что это подходящее слово.

Ну вот, к примеру: как назвать этот город?

Действительно, сами посудите, поистине чудоватое местечко, будто бы намеревающееся притвориться неразрушенными декорациями. Представьте все эти негодные театры с их пыльным реквизитом, дырявым

занавесом, несуразными костюмами, нелепым фиглярством, зевающей публикой. Взглянув на сцену, зрители не станут признаваться в том, что это единственный для них шанс узнать хоть что-то о своей жизни. Что сцена реальнее повседневности. Да, это тоже станет частью всеобщего притворства. Словно лишь в обличе лукавого, наигранного фарса вся эта невнятная текучесть сможет получить повод для извинения. Но скажите на милость, неужели проклятие навеки нависнет над худосочными, сиротливыми плечами? Разве обвиняемый так и останется стоять в этой скорбной позе — со склоненной, обвислой, словно наполовину срубленной головой, неспособный избавиться от чувства состоявшейся обезыменности?

Да, наверное, несчастный городок так и застынет на кривом взгорье, на берегу замерзшей речки — перед блеклым, выдуманным, ледяным полуотражением, словно восковая кукла, съездившись от обязательного холода. И не сдвинется с места даже после того, как последний воображаемый прокурор покинет площадь Правосудия. Неумелый, хворый актер, надеющийся, само собой, не на аплодисменты, но хотя бы на подобие снисхождения. Так и будет вслушиваться в трепетную тишину, в коварную торжественность, в безответность. В какой-то морозной, анонимной оторопи. В смутном сиянии. Не решится раскрыть глаз, не сумеет заметить, что зал давно пуст. Сколько же он простоит на неудобной, постылой сцене? Или уже через мгновение упадет с подмостков, как шахматная фигурка, сметенная с миниатюрной доски рассердившимся ребенком, которому надоест разучивать правила игры. Кто сможет ответить?

Часть первая
ОТЪЕЗД

Эпизод первый,

сделаем его похожим на завязку, хотя и не станем сообщать почти ничего ни о главных, ни о второстепенных героях дальнейшего повествования

Когда вам наконец посчастливится остановиться в здешней гостинице, не изумляйтесь, если консьержка, приподняв кудлатую шевелюру над кучей влажных от слюны семечных шелушинок, непременно сваленных прямо на стол аккуратно между завернутым в змеящийся кабель телефонным аппаратом и стаканчиком с письменными принадлежностями (тупыми карандашами, напишущими ручками, рваными промокашками, покаяющимися на дне окаменелыми ластиками, точилками и другой бесполезной канцелярской утварью), — так вот, не округляйте глаз, если дама, сверкнув рябоватым лицом, не станет провожать вас до номера, делясь подробностями о достоинствах отеля, а лишь окинет зевающим взглядом протянутые документы и, словно несказанный дар, просунет в крохотное окошко ключ от вашей комнаты, завернутый в засаленную, напоминающую обрывок просроченного медицинского рецепта бумажку с начертанной цифрой-иероглифом.

Впрочем, пары слов вы удостоитесь.

Секунду, щас дожю. Квокша поднимет указательный палец, давая понять, что все же не намерена отпускать вас без своего рода напутствия. Вы послушно дождетесь завершения усердного челюстного труда (во рту у мымы будут уже не семечки, а загодя припасенный бутерброд с салом), потратив драгоценное время на разглядывание потолочных сапин и неровностей.

Тут же рядом — обнадеживающая записка об отсутствии в отеле клопов и тараканов, а также совсем уж неуместное объявление: «Продам фортепиано „Заря“. Разумный торг. Расстроенное, потребуются настройки. Самовывоз с третьего этажа. Лифта нет» (вот уж, честно сказать, дело на любителя; понять бы еще, откуда здесь это пианино на третьем этаже). Затем всматривание в паркетные расщелины. Разглядывание застрявших там рисинок, орешков и зубочисток. Затем еще несколько эонов густой тишины, заграждающей все звуки, даже чавканье.

И наконец ответ.

Что ж, родненький, отправляйтесь блуждать по этажам и коридорам, у меня и без вас забот не оберешься. Поспешным, почти бесшумным выхлопом словно бы вымычит эти — вернее, конечно, не совсем их, но наверняка чем-то похожие — напрасные слова ее зевок, на глазах превращающийся в полуулыбку. Какая мимика! Какая гамма эмоций! На секунду покажется, что изо рта у тетеньки вывалится шматок черной сажи и повиснет на губах, как остатки поблескивающей лузги. Как пепел несостоявшейся речи. Пакетики чая и баночки, завернутые в еще планируемую к прочтению газету, дрянные сигареты, какие-то папки в футлярах из пыли, полная выдранных волос расческа — нет, эта пропахшая котлетами и салом каморка не будет похожа ни на монашескую келью, ни на больничную палату, но почему-то заставит перебирать бесполезные шпаргалки аналогий. Однако хватит упражняться в ерничаньях, для этого абзаца их уже вполне достаточно.

Вы покинете душное фойе и, даже не подумав искать глазами лифт (спасибо объявлению), подниметесь

по дряхлой лестнице, выбивая каблуками белую пыль из приклеенной к ступенькам ковровой дорожки (нет, не пытайтесь разгадать ее первоначальный цвет). Этажей всего три, а коридоров на каждом из них — по два, или в каком-то смысле — один, под прямым углом расходящийся в стороны от лестничного пролета. Но по нему действительно придется поблуждать. Комнат будет немного, однако невнятица с нумерацией и частое отсутствие цифр на дверях обрекут вас на продолжительные унылые скитания. Вы задумаетесь о том, тот ли это этаж. Спуститесь и подниметесь, затем спуститесь еще раз, возможно, даже решитесь задать вопрос хранительнице ключей (впрочем, вряд ли, не надо, зачем портить едва окрепший намек на товарищество). А желанию незамедлительно сменить гостиницу воспрепятствует мгновенное воспоминание о том, что заместить ее решительно нечем (по крайней мере, это достоинство отеля едва ли сумеет ускользнуть от вашего внимания). Наверное, в какой-то момент вы готовы будете войти в любой номер, дверь коего будет приоткрыта: не обнаружив внутри посетителей и потому посчитав его свободным, решитесь упасть на скрипучую кровать. Пусть даже эта клетушка окажется комнатой для гостиничного персонала. Пусть даже она будет загромождена тряпками, швабрами, ведрами и бумажными рулонами. Пусть даже не на кровать, а на сваленные на полу покрывала. Уснуть, поскорее уснуть, а там уж будь что будет. (Гори все огнем, как скажут некоторые, мы же в меру сил стараемся воздерживаться от чрезмерных банальностей, но, не впадая в противоположную крайность, заметим, что полностью избежать их, вероятно, тоже не

удастся. Так уж сложатся обстоятельства. К тому же о трюизмах у всех свои представления. Как вам, наверное, известно, сколько людей — столько и мнений. Но хватит, всегда лучше недоговорить, чем переговорить.) Так вот, весьма вероятно, что впереди вас ждут грозды возмущений, крики, скандал — господи, да какая разница. Пусть все это будет продолжением сна. Потом, пускай когда-нибудь потом начнутся ненужные разбирательства... Да, лишь такого рода мысли сумеют найти приют в вашей раскалывающейся голове.

Но радуйтесь, коли так! Ведь для кого-то не столь удачливого все способно предстать в куда более мрачном свете: скажем, под ноги рассеянному бедняге перевернется ушат помоев, забытый бестолковой уборщицей — с утра она затеет мыть полы, но что-то отвлечет ее от этого дела, и растяпа попадет в ее таз, словно глупый зверек в заготовленный капкан. Грязная вода растечется по полу, и темно-серые струи, образовав беспорядочный лабиринт, окружают пленника многократным сплетением жидких щупалец. Понадобится недюжинная отвага, чтобы переступить через хлещущие с невиданной силой потоки, но откуда возьмется мужество у того, чьи ботинки к этому моменту превратятся в затонувшие шлюпки, а промокшие носки при попытке сделать шаг породят столь неприятный хлюп, что сама мысль о движении взбаламутит в глубине души только колющий, горький стыд? И вот, уже приготовившись разрыдаться, бедолага, полагающий это положение худшим из возможных зол, откроет новый оттенок мрака. Ненароком поскользнувшись на мокром линолеуме, он обнаружит себя в самом центре отвратительного мыльного болота. Какой трагичный

миг, какая пронзительная нота! Сжались, не станем описывать дальнейшие мытарства этого пусть и вымышленного, но не столь уж нереалистичного персонажа, не будем повторять выражений, с которыми обратится к нему ошарашенная шумом уборщица (положим, что бездельнице уместно приписать это ремесло — хотя если кому и придется теперь убраться восвояси, так явно не ей), а, перешагнув через эти неприятельные мгновения, словно через пресловутые лужи, поспешим уже в ваш номер, чтобы поскорее познакомиться с его скудным убранством.

Итак, перед вами парочка истертых стульев; засиженный мухами комод (да, именно этот избыточный предмет мебели бросится в глаза одним из первых); стол, поблескивающий кольцами неотмытых кофейных или, пожалуй, даже винных пятен, если пристальнее приглядеться к этим липким кренгельсам; прямоугольник тусклого света, его явно будет недостаточно ни для работы, ни для чтения (а если передвинуть стол левее, поближе к окну? так лучше? уютнее? или стол не понадобится? помилуйте, возможно ли такое?); лампа, по странной прихоти захочется назвать ее керосиновой, но сдержите неуместный речевой каприз, мы совсем в другой эпохе; паутина в углу, под потолком, своими размерами она напомнит гамаки тайских рыбаков (опять претенциозные метафоры); ваза с перевернутым вверх ногами веником (а вот это не столь уж тривиальный образ, если задуматься); оконное стекло — проведя по нему ладонью, удастся сквозь образовавшийся в пыли проем насладиться видом на покосившийся деревянный нужник на заднем дворе (кто должен навещать этот мавзолей с окошком-сердечком

на дверце? посетители самых дешевых номеров? какие-нибудь рабочие? сторож? сколько еще часов и где намерены прятаться все эти герои?); затем ржавая вода из-под крана в ванной комнате, куда вы зайдете, чтобы отмыть руку от липкого стекольного пуха, осветит бурые подтеки на стенках раковины; и, наконец, неказистая скрипучая кровать, вы тут же сдернете с нее похожее на старый халат покрывало и уже через несколько минут забудетесь беспробудным сном. Не волнуйтесь, вшей и мокриц в гостинице нет и не будет. Конечно, вам уже известно это преимущество нашего отеля из записки, пришпиленной у гостеприимного окошка консьержкиной каморки, но почему-то именно оно станет последним, что придет вам на ум, перед тем как все происходящее поглотят сновидения. Хотя нарочитость и категоричность этой нелепой бравады в усталом полузабытьи все же вызовет неприметное подозрение: не вредна ли и для посетителей таинственная отравка, навсегда изничтожившая всю ползучую живность? Но поздно волноваться, вы уже на пороге беспомыслия.

А теперь повторим: как же назвать этот городишко?

Да, не такой уж простой вопрос, как покажется на первый слух, но во всяком случае табличка на вокзальной станции... Нет-нет, не станем упреждать событий. Еще не время переходить к описанию вокзала. Вероятно, имя придумается, но позже, к чему вымучивать заголовки прежде срока? Незачем это. Решительно незачем. Да и не надо придавать кличкам сакрального значения. Название непременно появится. Само собой. Потом. Как и злобная уборщица. Вдруг даже это будет одно и то же имя. Это не такая уж редкость,

вспомните, в конце концов, Софию или Вирджинию, Анапу какую-нибудь. Так что спите спокойно, торопиться некуда, а мы, оставив вас в ядовитом царстве сна, обратимся к тем, кому предстоит сыграть куда более важную роль в дальнейшем повествовании. Ничто не мешает нам погрузиться в события, которые, возможно, и не подумают происходить.